



10 марта 2015

👁 2802

Анатолий Хлопецкий: «Создание книги и Афон — это единый процесс»



Фото: rublev.com

Известный писатель, автор книги «Монашеский скит», написанной совместно с патриархом Кириллом, рассказывает о своем духовном преображении.
— Недавно увидела свет ваша книга «Монашеский скит», действие которой разворачивается на святой горе Афон. Расскажите немного о вашей жизни там.

— Сама книга — это как некий путь, параллельно которому проходила моя жизнь. То есть разделить мою жизнь и книгу очень трудно... Приехав на святую гору Афон совершенно не с паломнической целью, а даже больше с туристической, я привез с собой туда огромное количество внутренних вопросов, на которые самому ответить было трудно. Вопросы давно уже зрели: буквально за полгода до моей поездки на Афон я планировал поездку в Тибет. Думал, что

поеду, посмотрю и, наверное, там найду ответы на свои вопросы. В принципе на них надо было найти ответ. Много было рекомендаций разных людей, как туда слетать, маршруты были разные. Что-то как-то у меня там не получалось, и за короткое время я принял решение и полетел в Салоники, а оттуда в Уранополис — это то место, откуда уходит паром на полуостров, который называется Афон. Там двадцать монастырей, и это 8 остановок. Паром высаживает паломников, и паломники дальше уже размещаются в монастыре, куда они направлялись. Еще есть такой вариант: паломник должен поехать именно в тот монастырь, в который его пригласили (в последнее время очень тяжело стало с размещением людей). Я был свидетелем, когда в некоторых монастырях не принимали, хотя на одну ночь путников могут принять практически всегда. Казалось бы: как это, на святой горе Афон — и не принимают путника? Но были моменты, когда было очень много людей — особенно по праздникам, когда паломники были размещены даже в коридорах. Но это, конечно, исключение из правил. Приехав туда в свое время, я разместился спокойно. Хотя, возможно, дело в том, что действие происходило в двухтысячные годы, когда там еще не было так много народа.

— **А вы, получается там давно были?**

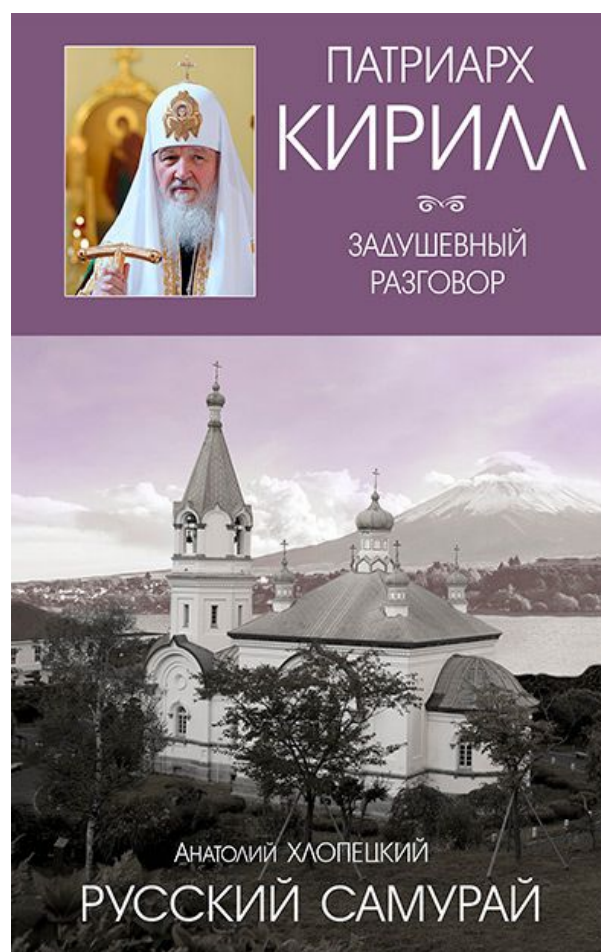
— Нет, я там бываю часто и последний раз был в сентябре прошлого года. А первый раз я приехал на святую гору в 2001 году, и паломников на тот период было очень мало. Из России приезжало, может быть, человек 10—15 от силы.

— **А сейчас сколько?**

— Сейчас человек 50—100. В праздники доходит до 300. Приезжают люди... Особенно на праздник святого Пантелеимона, Рождество, Пасху. В это время там яблоку негде упасть, и если заранее не договориться, то могут в приеме и отказать. Получается так, что монастырь дает специальное приглашение, и тебе выписывают в Уранополисе демонтерию — разрешение на въезд. И на всю ту неделю, что ты паломничаешь, в другие монастыри только с этим удостоверением и берут. Иначе, если у тебя нет удостоверения, то могут даже выдворить — там строго все! Но, как правило, туда без демонтерии вообще никто не приезжает.

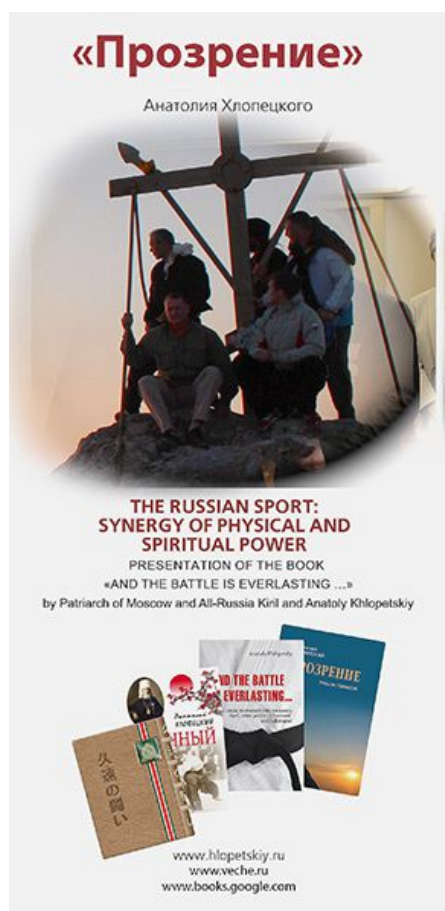
Когда я на Афоне пожил несколько дней — это была первая моя ознакомительная и автомобильная поездка, — то итогом этой поездки было какое-то непонятное чувство, что это все мое. По ощущениям, это центр притяжения создался — мой центр притяжения! Мне там было интересно. Выстроилась очень специфическая внутренняя спираль... Ну, может быть, была спираль, а теперь — стержень! Спираль как-то выровнялась. Я четко понимал, что это мое место, что мне здесь нравится, я готов сюда приезжать, я здесь что-то получаю и пока не понимаю, что, — но мне здесь интересно.

Мы общались с другими паломниками, и были интересные беседы. Там, скорее всего и родилась идея книги «Монашеский скит». И в принципе, как тема — обретение веры или — «экология



души». Все связано с тем, что человек что-то приобретает... Я долго думал, как начать, как это все запустить, чтобы было понятно с духовной точки зрения... Понятно, что такой литературы мало. Когда я собирал материал, мне было интересно: что если бы в тот период я нашел такую книгу, как «Монашеский скит». Мой герой сам проходит весь этот путь. Он живет своей жизнью, он обычный — как все. Он в водовороте встреч, бизнеса, увлечений... Каждый возвращается в этом обществе, и все так живут! Герой не задумывается о духовном, не задумывается, что рядом есть люди, которые могут жить какой-то другой жизнью, что другие есть интересы! По сюжету, с ним происходит следующее: он оказывается на святой горе Афон без памяти — его смывает с борта корабля, и когда он приходит в себя, то обнаруживает, что оказался непонятно где, откуда он и зачем он здесь взялся, непонятно. Я специально своего героя поместил в такие условия, чтобы весь путь его возобновления шел с нуля. Вся ту информацию, которую он получал, он получал первый раз. И что характерно, изначально на святой горе, общаясь со старцами, герой получает первой именно эту информацию, не какую-то другую. И получает от людей, которые уже далеко продвинулись в этом плане, которые для себя определили, что их путь — это монашество, служение Богу. Они же молятся за весь мир! Чтобы нам тут, сидящим в Москве и в других городах, жилось хорошо. И они за это ничего не требуют. Все так просто, чтобы мы хоть иногда вспоминали, что есть Творец, есть Бог, и иногда говорили «Господи, спасибо, что Ты нас создал! Спасибо, что Ты есть и помнишь о нас, хотя мы, грешные, вспоминаем только тогда, когда совсем плохо нам».

— Вы соотносите себя с главным героем?



— Когда я попал туда, у меня тоже было много информации, жизнь моя стремительно куда-то продвигалась, я куда-то бежал, нужно было что-то сделать, что-то успеть, и все это было очень важно и нужно. А потом я понял, что бежать-то никуда и не надо было. И оказалось, что я не искусственную остановку сделал, а естественную! Я сам по себе остановился, и это было своевременно. Надо было понять, кто ты, чей ты, куда ты идешь и зачем ты туда идешь. Вот этот процесс вместе с героем я попытался для себя и вместе с ним понять — кто мы такие... Я общался с разными людьми, которых, наверно, тоже волновал этот вопрос. И мне важно было понять, как они к этому пришли, что должно было произойти с человеком, чтобы он решил остановиться и начал задавать себе этот вопрос. Может, и не все останавливаются. Я, может быть, довольно резко к себе отнесся... Ну, наверно. И мой герой тоже поступил жестко, но он был вынужден, потому что был поставлен в эти условия, а я в каком-то смысле себя сам подвел к таким условиям.

— Расскажите про диалектику характера главного действующего героя...

— Если брать то время, когда я оказался на святой горе Афон, и как это все соотносится с книгой «Монашеский скит», то создание книги и мое проживание там — это для меня единый процесс. То, что происходило со мной, отображалось в книге. Я не говорю, что книга — это чисто мои эмоции, но ее герои — это люди, с которыми я реально общался, люди, которые живут и сегодня, и многие успели найти именно этот путь и нашли свой ответ, куда он ведет и зачем. И это интересно, потому что мы сегодня продолжаем общаться,

смотрим, как каждый развивается, двигается куда-то. Очень важен процесс и момент, на который не все обращают внимание, так как большинство людей воцерковляются очень активно. И наступает момент ощущения, как будто ты уже все знаешь... То есть люди за год, за два перечитывают все книги, святых отцов, библию, Евангелие по несколько раз, и им кажется, что уже все — пора выходить и читать проповеди, просвещать людей. Но. Вот, ты осознал... ты как-то, кажется, погрузился, набрался информации, и тебе хочется транслировать это дальше. Но не всегда то, что в тебе переварилось, надо транслировать. И людям, тем, кто очень жестко воцерковляется, кажется, что они могут начать просвещать других. Они становятся такими назойливыми... В христианстве есть такое понятие — «фарисейство»! Когда люди наполнятся этим всем, они говорят правильные слова и начинают сами жить немножко по-другому и выдают это все за свое, за то, что это их внутреннее. Попробуй скажи в этот период человеку, что он немножко не так говорит, не туда идет... У нас на то и есть Афонское братство, есть как раз разные люди. Сейчас их много, но на тот момент их было человек 15—20, и мы общались, обменивались мнениями, как-то помогали друг другу. А сейчас афонских братств десятки. В них люди по уровню своего духовного взросления собираются, общаются, подсказывают друг другу что-то. Это хорошо. Я замечал, что так или иначе любой человек, который посещает святую гору Афон, когда приезжает оттуда — приобретает десятки друзей. Там как будто сжимается расстояние между людьми. Ощущение братства, единения — мгновенное. Вот вы попали вместе в один автобус, сели... и все, уже братья. Происходит волшебное внутреннее единение. Его нет ни в одном месте в мире, только на Афоне. Я хочу сделать акцент на том, что для меня Афон — единое целое.

— По поводу ваших материалов — бесед с владыкой Кириллом, будущим патриархом. Как повлияли на ваши взгляды эти беседы?

— Мне кажется, тут двух мнений быть не может. Владыка Кирилл — это один из великих педагогов, ораторов, просветителей, миссионеров в нашем христианском мире. Я первый раз его услышал в 1990



году на каком-то мероприятии. До нашего знакомства. Его речь была потрясающей. Народ аплодировал. Речь была живой! Я видел эти лица, людей, которые минут пять хлопали в ладоши. Это была обычная мирская аудитория. Иерарх высказал свое понимание ситуации. Даже не помню, о чем он говорил, но это было мощно! Мы познакомились впоследствии в Калининграде и уже в более узких беседах обсуждали разные темы... Но вот это умение четко концентрировать и формулировать информацию и доносить ее до слушателей у него уникально.

— Вам это как-то помогло в написании книги?

— Да. Мне сразу хотелось, чтобы книга была примерно такой же. И чтобы не возникало вопросов. Чтобы все было понятно! Да, там, может быть, и нет литературных отступлений, я этому не учился. Но я считал, что в этих книгах они не нужны... Если брать выступления владыки Кирилла,

то это то, что я уловил в момент знакомства и передачи информации, той, которую ты хочешь, чтобы слушали и приняли. Многие умеют говорить, ораторов много... Но чтобы донести именно так, чтобы человек воспринял квинтэссенцию информации, — это дар Божий. И те беседы святейшего, которые вошли в трилогию, распределены по темам, которые актуальны будут всегда, вне времени. И они важны еще и тем, что это не богословская книга, а художественная, и обращена она к каждому читающему. Богословская книга — она обязывает, а здесь — разговор. Как разговор с духовником, с близким. Здесь — разговор с Патриархом... Владыка Кирилл стал Патриархом, актуальность текста усилилась. Над книгой очень много работали! Мы однажды летели со святой горы Афон с владыкой Кириллом, и у меня было много вопросов по трилогии «И вечный бой», и всю дорогу мы обсуждали как правильно подать всю информацию. Тема была востребованной: дети, которые занимаются боевыми искусствами. Они очень восприимчивы к духовному, и у них настрой мистический. И очень важно, откуда получает информацию ребенок — с улицы или от тренера. Все это имеет и духовное начало! У них будет возможность получить какие-то ответы, и им проще будет принимать решения, которые, как правило, возникают в этом возрасте...



В романе «Монашеский скит» — три диалога с владыкой, которые являются продолжением бесед. Они органично вошли в историю книги и усилили ее. Она вроде читается легко, но человек, когда подходит к беседам, останавливается. Их невозможно быстро прочитать, как обычный текст. Читатель начинает вдумываться в каждое слово. Это дает возможность немножко по-другому отнестись к книге. С большим пониманием текста, который там написан.

— Как вы относитесь к современной художественной литературе?

— Я с глубоким уважением отношусь к любому человеку, писателю, который отважился изложить свои мысли и идеи на бумаге и отправить на всеобщее обсуждение. Потому что здесь есть риск — никто не знает, какая реакция будет у читателя на твоё творчество. Но уже есть признанные писатели современности с огромным опытом. К их творчеству отношусь с восхищением, ибо они уже получили признание своих читателей. Я последние лет 20 читаю богословские книги, ознакомился с Торой, Кораном. Но у меня много друзей — писателей, поэтов: Сергей Дмитриев, Евгений Степанов, Дмитрий Дарин, Владимир Массалов, Владимир Бояринов. Так что иногда читаю их творчество. Из прозаиков мне ближе такие писатели как В. Крупин и В. Распутин.

Беседовал Станислав Николаев

